Моим родителям

Матильде де Буар

1

Расскажу вам один случай — не то чтобы потрясающе интересный, но вы все-таки послушайте. Както раз, зимой, мне в голову пришла идея починить радиатор в ванной. Было холодно, а радиатор не фурьчил. Возможно, эти детали покажутся вам лишними, но если бы он не сломался или в жаркий день я бы не взялся за ремонт... Настаиваю сейчас на подробностях лишь для того, чтобы вы поняли: первый шаг к страшной пучине не был добровольным, мною руководила чужая — скрытная и гибельная — воля, которую являли собой парижский климат и современные электробытовые приборы. В учинении кошмара моей вины нет! В области починки электрического барахла, и вообще любой починки, я способен совершить единственное действие — вставить вилку в розетку. Никакой розетки у этого радиатора, само собой, не имелось. Не знаю, с какого перепуга я вообразил себя одним из тех ловкачей-умельцев, которым все в жизни удается с полпинка. По правде

говоря, я никогда не сталкивался с настоящими препятствиями — ни с огромными долгами, ни с любовной тоской, ни с тяжелыми болезнями, не было у меня и серьезных стычек со шпаной. Да и радиатор всегда работал. Я разве что ноготь ломал, вот и был наивным, как младенец.

Само собой, я отключил электричество (на это моих мозгов хватило), потом легко и грациозно влез на стул, чтобы разобраться с проводами. Там была куча разноцветных проволочек, синих-красных-желтых, сварные швы и платы, я трогал их пальцами, как врач, трясущий пациента за плечи, чтобы вылечить его от гриппа, и говорил себе: «Волшебникам не нужен план, они все делают не задумываясь, по щелчку».

Например, так:

— Машина сломалась, дорогой...

— Сейчас взгляну, милая. Ну вот и все, поехали!

Или вот так:

— Жерар сказал, что не придет сегодня вечером...

— Сейчас я ему позвоню. Все уже в порядке, он обязательно будет!

А чем я хуже?

— Радиатор сломался? Сейчас починю, ну вот, уже греется.

Я в безмятежном состоянии духа спрыгнул со стула, насвистывая, как спец по электричеству и прыжкам с трамплина, который хорошо выполнил свою

работу. Попробовал включить электричество и... Ничего не заработало. Странно...

Я повторил операцию — результат нулевой, черт, вперед, на стул, неудача меня не испугает! Не знаю, сколько раз я повторил серию прыжков, но сам себе казался свихнувшейся мухой, бьющейся о стекло — раз, другой, пятый, десятый — в уверенности, что в конце концов возьмет над ним верх.

Я занервничал. Сказал себе: «Спокойно, парень, ты сможешь. Ау, волшебники, где вы, я с вами, сейчас, сейчас».

«Чертово стекло, — зудит муха, — ты пропустишь меня или нет?»

Сделав шестнадцать или семнадцать тысяч попыток, я сбился с ритма, забыл логичный и гармоничный порядок операций, вертопрах бестолковый, подключил электричество и спокойно сунул руки в провода. Хотите знать, что случилось дальше? Раскат грома, удар по моей дурацкой башке, я лечу со стула, разбиваясь вдребезги, тараню лбом раковину, приземляюсь в ванне, валяюсь там четверть часа, любуюсь обгоревшими кончиками пальцев, радиатор надо мной, а сливное отверстие внизу.

НИКОГДА НЕ ВООБРАЖАЙТЕ СЕБЯ ВОЛШЕБНИКОМ

Техник высокого полета. Сначала я подумал: «Ффу, обошлось, ты едва не откинулся, старичок...» Решил,

будет что рассказать парням и забыть как страшный сон. По прошествии некоторого времени мне показалось, что описание вышло суховатое, и я решил добавить в него поэтическую нотку, назвав акробатический прыжок «искрой — предвестницей пожара». Правда, если охотник в лесу замечает, что от тлеющей травы занялись папоротники, он сначала пытается затоптать огонь сапогами и только потом бросает ружье и дает деру, но по жизни на пятой скорости не промчишься...

2

Меня зовут Альвар Санз, я родился в Морсан-сюр-Орже и в эпоху пресловутого падения в ванной был переводчиком легкого чтива.

Назавтра, ближе к вечеру, мы с сестрой сидели в крошечном темном русском бистро рядом с улицей Монторгёй. Я приходил туда почти каждый вечер, чтобы поглазеть на тамошних странных клиентов (горе-художников, шлюх-неудачниц, мелких торговцев наркотой и старых наклюкавшихся трепачей) и выпить отличной водки по цене десять франков за порцию.

Хозяйка по имени Анна родилась в Москве, хозяин — камерунец Эрнест из Дуалы*, приехал туда учиться, они познакомились и полюбили друг друга. Я посещал их бар, потому что мне нравились живописная публика и музыка, смесь двух фольклоров (кассеты сменялись в порядке строгой очередности). Тот же принцип был выдержан в оформлении: у каждого была «своя» стена, что создавало соответствующую атмосферу. Называлось заведение «Славянский шарм» — кажется, его придумал муж хозяйки.

Итак, в тот вечер я трепался с сестрой, и тут рядом с нами сел великий марсельский соблазнитель. Вел он себя вальяжно, как владелец заведения, решивший поинтересоваться, все ли в порядке у клиентов. Он весело подмигнул, щелкнул пальцами и провозгласил:

— Пастис, Ольга!

Хозяйка (то есть Анна) подошла, мило улыбнулась, — а я думал, она прихлопнет хлюпика! — оперлась ладонями о стол и тихо так промурлыкала:

— Никакого пастиса в моем баре, маленький говнюк! Запомни две вещи: заорешь еще раз или решишь подозвать меня щелчком, и я выкину тебя на улицу.

* Дуала — крупнейший город Камеруна, экономическая столица, центр Прибрежного региона и департамента Вури. (Здесь и далее прим. перев.)

— Ха-ха-ха! Ладно, Ольга, я пошутил. Дай мне водки, я другого не пью! Самой лучшей! Денежки имеются, не волнуйся.

Выглядел он потрясающе: лет двадцать, говорок — только сардин в Старом Порту смешить, волосы за-лачены, как у моделей в старых каталогах *La Redoute*, длинное тело облачено в бежевый костюм в тонкую полоску, на ногах блестящие двухцветные туфли. Одним словом, чистый фуфел*.

Не подумайте плохого — я ничего не имею против марсельцев, наоборот, они очень даже симпатичные люди (три года спустя моя сестра вышла за одного такого красавца, на свадьбе гуляло много его земляков, все отличные парни, хоть я и не всегда разбирал, что они лопочут), но этот олицетворял позор улицы Канебьер (сейчас символ города).

— Меня зовут Аннибаль, мой отец заправляет делами в Марселе. А я вор... Больше ни слова... Я провернул несколько дел в Панаме, карманы набиты баблом, в сейфе в отеле куча денег. Я остановился в «Рице». Хочу оттянуться на полную катушку. Будем дружить?

Моя сестра обалдела от такой наглости, сидела разинув рот и хлопала глазами. Я привел ее в «Шарм», чтобы она вкусила русско-камерунского шика, и ничего подобного не ожидал.

* Фальшивка, подделка (жарг.).

— Договоримся сразу, ребяташки: если я с кем дружу, то до самой смерти! Так у нас заведено. Я умру за друга, коли понадобится. Но если он меня сдаст, ему конец.

— Нормально, Аннибаль... — сказала сестра.

Он с ходу ее зауважал — эта штучка умеет разговаривать, сразу видно — парижанка! — и глотнул водки, не сводя с нее глаз. Приворожила!

— Она хороша, твоя женщина! Жена?

Я уже говорил, что раньше никогда не попадал в переделки, но умею прислушиваться к внутреннему голосу и не пытаюсь с ним спорить.

— Да. Рад, что она тебе понравилась.

— Еще как... Жалко... У нас жена друга — святыня. Но все равно жалко. Серьезно. Я мог бы ее осчастливить. Если бы захотел... Я всегда делаю, что захочу, поймей это в виду. Особенно с дамами. Ладно, друг есть друг. Как вас зовут?

— Альвар Санз.

— Паскаль Санз.

— Я Аннибаль. Коротко и ясно. А как девичья фамилия?

— Что? Моя? Девичья? Блез. Паскаль Блез.

— Красиво, но... В школе, небось, проблемки были из-за этой... игры слов*... Извини за вульгарность. Не люблю обижать дам.

* Намек на совпадение с Блезом Паскалем, знаменитым французским математиком, физиком, литератором и философом XVII века.

Он еще какое-то время надоедал нам своей ахинеей в стиле опереточных гангстеров, потом заплетающимся языком объявил, что Закон и Добрая Дева Мария запрещают ему желать жену друга, и отправился разыгрывать «наркоторговца на отдыхе» перед другими, более восприимчивыми, клиентами. В конце концов Аннибаль Ужасный получил ногой чувствительный пендель от кроткой Анны, хотя несколько раз проставился для уважаемой публики, не забыв про щедрые чаевые, чтобы не позорить предков-мафиози. Аннибаль совершил роковую ошибку, осмелившись проверить тактильным способом легендарную упругость сисек красавицы Мартины, старой депрессивной сенегальской шлюхи, которая фактически жила в «Шарме». Страшная как смертный грех, она была такой же Мартиной, как я — Уилбуром. Наш но-воиспеченный друг успел швырнуть через плечо две купюры по 150 франков (проворчав: «Ну люблю я женские буфера, есть такой грешок, и делаю что хочу, особенно с дамами!»), раскланялся и... вылетел за дверь заведения.

Час спустя мы с Паскаль вышли на улицу, загрузившись под завязку: Анна, как обычно, наливала щедрой рукой, раз за разом провозглашая тост «Здоровье президента Камеруна!»

Я чмокнул Паскаль через окно ее машины и отправился домой пешкодралом, а минуты две-три

спустя различил сквозь мерцавший вокруг Париж два силуэта. На расстоянии метров десяти или двадцати (а может, и тридцати, поди знай!) «общались» лысый толстый коротышка в возрасте и высокий тощий парень с прической, как у моделей в модных каталогах. На трезвую голову я бы обошел их во избежание неприятностей (по натуре я трусоват), но водка сбила настройку «охранной системы» и раззадорила любопытство. Я летел, как муха на стекло, не боясь разбиться, так мне хотелось взглянуть на происходящее.

Я остановился рядом с коротышкой и дылдой, наплевав на правила приличия, и приготовился созерцать. Аннибаль тряс противника за грудки, тот был красным от ужаса и смотрел на обидчика как кролик на удава. В его выпученных глазах читалась одна-единственная мысль: «Мне конец!»

— Отдавай цепочку, отдавай, старый дурак, кому говорят... — бубнил Аннибаль, одной рукой встряхивая жертву, а другой дергая за золотую цепь, висевшую на шее старикашки.

— Отстаньте, я вам ничего не сделал, отпустите, ну отпустите же меня!

— Отдавай цепочку, придурок!

— Отстаньте — отстаньте — отстаньте... — как заведенный повторял несчастный, напоминая всхлипывающего пупса.

- Отдай цепочку, или я тебя прибую.
- Отстаньте...
- Отдай цепочку, кому сказано...
- Отстаньте...
- Предупреждаю, не нарывайся...
- Я ничего вам не сделал...
- Цепочку!

Этот бесплатный цирк начал мне надоедать: непонятно, какого черта недомерок упирается, я бы сразу отдал все и даже больше. Наверное, украшение — подарок невесты, усопшей от туберкулеза полвека назад в Оверни. И все равно он ведет себя как болван, трясется, вот-вот описается, но стоит на своем.

- Отдавай цепочку.
- Ай, больно!
- Смерти ищешь?
- Помогите мне!

Надо же, он меня видит! Аннибаль начал хлестать беднягу по щекам, и я — вот ведь болван! — вмешался. Делать этого не следовало. Но сдержать благородный порыв я не смог, тронул босса марсельского преступного мира за плечо, улыбнулся и сказал:

- Кончай доставать старпера, Аннибаль.
- Да пошел ты...
- Аннибаль. Оставь. Его. В покое. Он тебе в дедушки годится.

— Даже не заговаривай о моем деде, тебе же лучше будет!

— Слушай... Я — твой друг. Муж красавицы из «Шарма».

— Пошел вон, кретин!

Аннибаль перестал себя контролировать, глаза у него побелели, как у вареного судака, он весь подергивался.

— Сделай одолжение, Аннибаль, прислушайся к другу. Мы же друзья до гроба, припоминаешь? Отвянь от него. Ради меня.

— Отвали! Пусть ублюдок отдаст цепочку и умирается к черту!

Он вступил в диалог, что было удачей само по себе. Я вовсе не горел желанием спасти дедушку, но не колебался ни секунды, увидев, что бандит прижал его к стене и несколько раз долбанул затылком, не переставая дергать за цепочку. Я отпихнул (сильно) новообретенного друга, он обалдел от такой наглости и поднял руки, давая понять: «Ну хватит! Я не шушу!» — и расстрелял меня взглядом. Я был великолепен, я олицетворял собой Благородство, я готовился стоять насмерть, защищая незнакомого мне человека, и в его лице — всех униженных и оскорбленных планеты! Аннибаль не внял увещаниям, ударил меня в солнечное сплетение, я рухнул на землю и остался лежать.

ПУСТЬ МОЛОДЫЕ НАПАДАЮТ НА СТАРИКОВ, ТАКОВ ЗАКОН ПРИРОДЫ

Я не собирался вставать по двум причинам: во-первых, он приложил меня так сильно, что я на мгновение ослеп и до смерти испугался. А во-вторых, меня раньше никогда не били, и я не знал, как реагировать (мало кто вскакивает на ноги, получив такой бесподобный апперкот, — хотя, возможно, он был не такой уж и бесподобный, почему мне знать?).

Жертва Аннибалья воспользовалась нашей потасовкой и сбежала. Старикан летел со скоростью ветра, только пятки сверкали, зрелище было уморительное — этакий арбуз на ножках в парижской ночи. Я развеселился и понял, что готов продолжать, тем более что Аннибаль уже мчался следом гигантскими шагами. Он явно не собирался сдаваться, и я, пьяно хихикая, побежал за ними.

Догнав нелепую парочку, я увидел, что старик лежит на мостовой, а Аннибаль сидит на нем верхом и мутузит кулаками. Дед явно дорожил цепочкой больше жизни (память о девушке из Оверни — это вам не хухры-мухры!): он вцепился в цепочку обеими руками и орал: «Караул! Грабят!» Чахоточная малышка в этот момент наверняка танцевала жигу в гробу. При виде окровавленной башки престарелого донжуана я протрезвел и как дикий кот прыгнул на спину Аннибалью (надо было меня видеть — точь-в-точь

пума, пикирующая с ветки на добычу). Старик, конечно, идиот, но ближнему нужно помогать...

Развязка получилась стремительная и драматичная. Я изо всех сил тянул Аннибала за волосы, чтобы оторвать от жертвы, дергал за огромные слоновьи уши, пытался задушить, рычал, подбадривая себя. Старик визжал, как хряк под разделкой, Аннибаль тоже вдруг заорал... Да уж, зрелище было то еще, что и говорить... Аннибаль нанес мне сокрушительный бэкфист локтем, я отлетел назад и оказался в водосточной канаве.

Мое вмешательство дезориентировало старика, он обессилел, перестал сопротивляться, Аннибаль завладел вожацкой цепочкой и отвалил.

Я кое-как поднялся на ноги, голова у меня кружилась и была как стеклянная. Пострадавший сидел на бортике тротуара и повторял, как механическая кукла: «Ка-ра-ул — гра-бят...». Болван.

— Мсье, мне очень жаль, я сделал все, что мог. Как вы? Плохо? Ну да, вон как он вам лицо разукрасил. Далась вам эта цепочка...

— Грабят! У меня отобрали цепочку!

— Знаю, знаю. Не шевелитесь, я вызову скорую.

— У меня отобрали цепочку! Караул!

Придурок. Мне захотелось ударить его ногой по губам, чтобы он заткнулся, но ради светлой памяти покойницы из Оверни я сдержался и отправился на поиски Аннибала, чтобы отобрать у него цепочку